

An impressionistic painting of a rainy street scene. The top half shows buildings with textured, brushstrokes in shades of brown, blue, and white. The bottom half shows a wet street with a yellow truck, a red car, and a blue car. A person with an umbrella is visible in the lower left. The overall style is expressive and colorful.

АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ

ИСКУПАЯ ДОБРО

Алексей Казаков

Искупая добро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854624

ISBN 9785447463465

Аннотация

Обычный парень Павел, следуя домой после службы, попал в необычную ситуацию. Следуя своим убеждениям, он пытается защитить слабого. В результате попадает в места лишения свободы. Опытный «зек», узнав все обстоятельства, использует его для своих целей. Ему вновь приходится дойти до края черты, но теперь уже только лишь для того, чтобы спасти собственную жизнь.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Искупая добро

Книга первая

Алексей Казаков

© Алексей Казаков, 2016

© Ольга Михайловна Гореленко, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Год службы остался позади и можно, было смотреть дальше в счастливое и светлое будущее как не пафосно это звучит, но в котором Павел Черенков абсолютно не сомневался. Оформив документы в воинской части, и, получив командировочное предписание, он отправился на автобусную остановку. Ожидая автобуса, все его молодое и крепкое тело целиком находилось в бодром, приятно напряженном возбуждении, в голове играла музыкальная какофония из отдельных звуков и слов, знакомых ему еще до службы и порой у него возникала шальная мысль о том, чтобы послать этот автобус ко всем чертям и стремительно бежать на встречу к родному дому, о котором он так долго мечтал. Рассудочная часть его мыслей устремилась далеко от сюда к родному дому, где ждут его родители и любимая, друзья и знакомые и их образы всплывали в его голове словно при просмотре старого, но очень любимого фильма. Автобус пришел примерно через полчаса, неспешно сбрасывая и набирая ход словно, большая медленная черепаха. Павел одним махом вскочил в открытую дверь и взялся за поручень, предварительно продев предплечье правой руки сквозь ручки своей спортивной сумки. Весеннее солнце ярко светило сквозь меняющиеся друг друга проблески листвы и приятно грело кожу сквозь стекло на открытых участках тела, а физическая сила Павла, уси-

ленная солдатскими буднями, приятно на ощупь поворачивала оплетку поручня кистью то в одну, то, в другую сторону, не смотря на ее сопротивление. Немногие пассажиры, находившиеся в утробе черепахи, мгновенно переключили свое внимание с привычного им пейзажа на подтянутого красавца солдата и стали с интересом его разглядывать. Он был одет в какую-то необычно парадную форму, как будто только что вышедшею из-под станка, при этом накрахмаленную и отутюженную. Павел делал вид, что всего этого не замечает, но его распирало чувство гордости за ту картину, которую он сейчас представлял. Ему почему-то спонтанно пришла в голову мысль о том, что слово пассажиры состоит из двух слов: пассивные и жиры. При это мысли по его лицу проскользнула еле уловимая улыбка. Для сидевшего напротив него деда это послужило, словно сигналом для обсуждения видимой картины и он стал обстоятельно и подробно рассказывать рядом сидевшей с ним бабке о своих давно минувших днях службы, чем переключил внимание всех присутствующих.

Автобус продолжал свое движение по маршруту, меняя за окном виды, периодически впуская и выпуская граждан в свое чрево, прекратив это занятие лишь после фразы прозвучавшей по микрофону: следующая остановка конечная – «вокзал». Павел так же стремительно выпрыгнул из автобуса и направился к железнодорожным кассам.

В военной кассе народу практически не было, и это становилось осуществлением одним из многих предсказаний дя-

ди Вити, брата матери говорившему о множественных предпочтениях и пользе, которые возникнут после прохождения службы в вооруженных силах. Еще он говорил о том, что: «– В их время уважающая себя молодая девушка никогда не свяжет свою судьбу с белобилетником», – тем самым, думая, что вбивает последний гвоздь в гроб сомнений Павла. Но это решение он выбрал не из-за пламенных речей родственника, а потому что его внутреннее убеждение претило ему бегать от военкома и жаловаться всевозможным докторам. – «Надо, значит надо» – и только лишь благодаря этим убеждениям привитыми ему еще отцом он смотрел твердо и уверенно в глаза людям.

Впереди него, у кассы стояло еще два человека. Молодой лейтенант, погруженный во множество своих мыслей и по всем внешним признакам очередной ботаник, наверняка закончивший учебное заведение с отличием и человек в штатском невольно вызывающий у Павла неприятные чувства. Подобные субъекты периодически появлялись у них в части после редких инцидентов: драк или ухода в самоволку. После которых по одному вызывали участников событий в кабинет и проводили допрос с пристрастием, выворачивая все их грязное белье наружу с помощью сослуживцев, предлагая последним улучшенные условия прохождения службы и свое покровительство. Вот тогда то и всплывало все содержимое человека наружу. В части их никто не любил и, когда они появлялись, всем становилось понятно, что что-то

случилось, но Павел их научился распознавать не потому, что с ними часто встречался, а потому что у них был особый взгляд такой же твердый и уверенный как у него. Но теперь для этих людей он был, недоступен и легкая нотка злорадства согревала его душу. Как теперь он был недоступен и для командиров думающих как ему казалось тем местом, на котором сидят и тем правилам и уставу, по которому следует жить. Тем временем, пока он был занят негативными воспоминаниями своей службы, его очередь подошла и в окошке кассы показалась женщина лет сорока пяти с беспристрастным видом, которая таким беспристрастным голосом произнесла: – «Молодой человек я вас слушаю» – при этом одновременно привычным, ей жестом протянула руку к окошечку. Павел подал ей все документы, которые у него, были, и стал ждать. Ее верхняя видимая часть тела столь же беспристрастно и автоматически ловкими движениями, что-то отпечатала на кассовом аппарате и по лицу Павла снова пробежала едва уловимая улыбка при мысли о том, что попроси он сейчас хоть билет на луну ее действия были бы столь же невозмутимыми. После того как его билет оказался в кошельке, Павел решил, что не плохо бы приобрести новую sim-карту для экономии средств и уверенной связи.

Алло, мам, привет. Да это я. Все купил билет. Скоро поезд и через сутки я буду у вас.

Наконец то сынок, а то ты не звонишь и не звонишь, мы с отцом уж и незнаем, что и подумать. Значит, завтра ты

будешь у нас, очень хорошо я приготовлю твоих любимых блинчиков с творогом. Встретила тут Димку на улице, он все про тебя спрашивал: – Когда Павлик приедет? Да, когда он приедет?.

Скоро, скоро мам буду, а как там Иринка, ты ее видела? Я что-то до нее не могу дозвониться. Телефон она, что ли сменила.

Ирину то? Видела как-то мельком, встретились в магазине. Ну, по-моему, девушки сейчас стали такие же, как парни. Все время, куда то спешат как оголтелые, так что толком то мы и не поговорили. Ну, так не беда, сейчас уж сам приедешь да совсем и разберешься.

В смысле мам, с чем разберешься, ты мне что-то не договариваешь?

Да нет, сынок, это я так к слову, пойду, скажу отцу, что ты звонил, пусть тоже приводит себя в порядок к твоему приезду, а то все что-то там мастерит у себя в гараже днями и ночами, а потом приходит на бровях.

А как дела у Аленки?

Ты знаешь, она стала совсем взрослой, её постоянно нет дома. Все время на улице то с подружками, то с парнями, я даже стала переживать за успешное окончание школы, совсем не занимается. Ну да ладно сынок что-то я разговорилась, приезжай скорее, мы тебя все ждем. Пока.

Пока мам, целую тебя, а с Аленкой я обязательно поговорю по приезду.

После разговора с матерью у Павла как-то неприятно засосало под ложечкой, но молодой и светлый разум отгонял от себя немотивированные тревоги и твердо говорил ему, что радость встречи с родными ни что не сможет омрачить. На этом все пустые беспочвенные рассуждения в голове были закончены и Павел направился изучать достопримечательности вокзала в списке, которых одними из первыми стояли буфет и расписание междугородних направлений.

Глава II

Поезд прибыл в город в 8.30 по расписанию. Павлу осталось надеть на себя часть верхней одежды в виде современной куртки цвета хаки и пройти к дверям. Уже в их проеме его накрыло волной переполняющее чувство любви к родному городу с его жителями и толчеей. Спустившись на пиррон, он не стал заходить в здание вокзала, а направился вдоль железнодорожных путей, чтобы не тратить время впустую на ожидание общественного транспорта. Гравийная дорожка, шедшая вдоль железнодорожного полотна, позволяла двигать с максимально возможной скоростью, не смотря на присутствие тут и там множества луж. Павел не сомневался, что примерно через полчаса войдет на окраины своего района. Нужно было лишь миновать территорию цыганского поселка, что он редко делал до службы, зная, что встреча, с этими хитрыми, изворотливыми субъектами не сулит ничего хорошего, а затем, свернув по знакомым ему тропинкам, миновать промышленную зону, за которой и начиналась их с ребятами территория, на которой они чувствовали себя уверенно, по праву местных аборигенов. Миновав все нелицеприятные районы, он вывернул на первую примыкающую к промзоне улицу, очень старую и характеризующуюся наличием на ней двухэтажных полуразволившихся барачков, скрывающихся за гущей множества таких же старых,

как и строения городских насаждений.

Радость скорой встречи с родными пьянила его, а мысли, об Ирине так сильно заставляли биться сердце, что у него создалось впечатление о том, что будь они все сейчас хоть на луне, он дойдет до них в одно мгновение. Ход его мыслей был прерван громкими криками в виде отчитывания за наличие у некоего хозяина кривых рук и наличия пустой головы, когда он поравнялся с баракон номер семнадцать и Павел как-то автоматически снизил скорость своего шага. В разбитое подъездное окно второго этажа продолжали доноситься истерически-злые характеристики в сторону неизвестного оппонента.

Сколько я еще тебе буду повторять о том, что этот провод для зарядки телефона использовать нельзя. Ты словно тупой дятел, с которым говорить бесполезно.

Голос принадлежал по звукам какому-то ватному субъекту, по мнению Павла, но позволяющему вести себя довольно резко, скорее всего, лишь только по тому, что его оппонент в разы наверняка меньше и слабее. Тем более что в ответ после кроткой паузы слышались не разборчивые слова оправдания похожие на мямленье, после которых речь обвиняющего становилась все более уверенной и грубой.

Правильно говорят в семье не без уроды, послал бог такого оскудненного умом братишку, не на что не способного. Продолжал с каким-то злорадным восхищением голос со стороны окна.

Павел почему-то болезненно отнесся к последней фразе. Ведь совсем недавно братишка для него было очень важным словом и так он называл только тех сослуживцев, на которых мог положиться как на самого себя в трудную минуту. Какое то внутренне чувство протеста и ущемленной справедливости стало нарастать в нем, сжимая автоматически кулаки с нарастающей силой.

Я больше так не буду. Более отчетливо и срываясь на плачь, послышался голос в ответ.

Конечно, не будешь, я сейчас тебе преподам урок, который ты запомнишь надолго.

И в глубине коридора послышались глухие удары, обо что-то мягкое и реагирующее приглушенными короткими еле уловимыми вскрикиваниями. Пройдя еще немного вдоль улицы, Павел повернул голову в сторону окна находившегося на втором этаже этого здания, но уже с торца и сцена событий, стала вырисовываться уже визуальными осязаемыми участниками действий. Толстый и взъерошенный парень лет семнадцати с красным крупным лицом похожим на бульдога, придерживал одной рукой за ворот кофточки щуплого телосложения паренька, одновременно неуклюже подпинывая последнего в область пятой точки. Последний из-за всех сил пытался вырваться, вращаясь, то в одну то в другую сторону, но особенно толстая рука на фоне этого детского тела крепко держала его в своих объятиях.

Терпение Павла лопнуло, и решение молниеносно при-

шло ему в голову. Он бережно поставил сумку на рядом стоявшую скамейку и, разогнавшись для уверенного прыжка, одним махом перемахнул через открытое окно, упершись в прыжке одной ногой в бревно, а руками схватившись за края подоконника. Дальнейшее было лишь делом техники, наработанной еще при преодолении полосы препятствий. Подтянувшись без особых усилий и переместив во внутрь проема все тело Павел уже целиком разглядел раннее увиденную картину. Большой, толстый парень лет семнадцати в вытянутых на коленях трико, которые поверх перекрывала не заправленная рубаша с немалым рвением и большими усилиями пытался проучить щуплого паренка тем, что наносил ему по всему телу тычки, но они были неуклюжими, так как последний постоянно крутился, словно уж на сковородке. При этом жертва как могла, защищаясь от своего преследователя прикрываясь своими тонкими ручками и негромко всхлипывала, надеясь на милосердие последнего.

– Эй, полегче с мальцом – крикнул Павел, не торопясь, спустившись с подоконника, так грациозно и уверенно, словно лесной дикий зверь, сознательно попавший в беззащитный курятник.

– Тебе не кажется толстяк, что у вас разные весовые категории – уже более тихим голосом продолжал он, хлопывая непринужденно с себя пыль и осознавая, что все присутствующие отреагировали на его столь внезапное появление.

При виде этой картины безнаказанное избиение закончилось, а у обоих его участников невольно открылись рты от удивления. Глаза толстяка стали округляться по мере осознания того, что к нему, скорее всего, возникнут вопросы в ближайшее время, от этого неизвестно откуда ввалившегося в оконный проем солдата.

– Мы здесь пытаемся решить кое-какие вопросы – неуверенно и, пятясь назад, произнес толстяк, оправдываясь за все происходящее, при этом его голос как-то внезапно стал дрожащим и неуверенным.

– Ну, таким способом, какой используешь ты, вряд ли можно что-то решить, а вот потешить свое самолюбие ты, наверное, любишь. Поэтому придется приземлить тебя с небес на землю – с окончанием последней фразы Павел стал потирать руки, показывая свою решимость в выполнении предстоящей задачи, а в голову ему пришла забавная мысль о том, что последняя фраза как-то уж совсем сильно расходится с реальностью, потому как он никак не мог представить себе возможные героические заслуги, за которые небо хоть чуть-чуть бы приподняло толстяка к себе, если только последний не является воздушным шаром. Толстяк же в это время прокручивал в голове всевозможные варианты событий и видимо мгновенно прокрутив их, понял, что ни один из них его не устраивает. А когда пришло осознание этого, все анализаторы и внутренний голос организма вторили ему лишь об одном – необходимо бежать!

Его лицо одело, маску страха, которую уже невозможно было скрыть, а тело инстинктивно началось медленно двигаться по коридору в направлении противоположной вероятной угрозы, уже теперь предательски отказывая в точных и уверенных движениях, которые наблюдались еще минуту назад. Через несколько шагов у толстяка хватило ума резко развернуться, так как угроза наступала на него стой же скоростью и вот в одно мгновение толстяк уже улепетывал вдоль коридора как-то по смешному и нелепо словно тюлень, перемещая своё грузное тело. Павел двигался за ним следом, уже с улыбкой на лице, а еще недавно режущее чувство несправедливости, бурно клокочущее по всему телу теперь медленно, но уверенно превращалось в удовлетворение. Коридор старого дома был длинный и поэтому толстяк успел довольно сильно разогнаться. Он пулей устремился вниз по лестнице, даже не думая цепляться за поручни и исчез в глубине пролета. Павел услышал необычно громкие звуки убегающих шагов по лестнице характерные только для старых деревянных домов, гулким эхом отзывающихся по всему дому, за ними послышался еще более гулкий одиночный стук чего-то массивного, после которого сразу же что-то приглушенно прокряхтело и рухнуло подобно тому, как падает тело при проведении в спаринге борцовского приема. Какой-то еле ощущаемый неприятный холодок пробежал по телу Павла. С той стороны, где скрылся толстяк из виду почти сразу стал доноситься звук подобно тем, которые устанавливаются в бу-

дильниках-зуммерах на дешевых телефонах. Только теперь он вызывал не раздражение как обычно это бывает, а чувство надвигающейся беды, звуча в образовавшейся тишине на удивление громко. Павел автоматически продолжал двигаться к краю коридора, где начинались ступени, ведущие вниз, пытаясь рассмотреть то место, откуда еще недавно исходил непонятный кряхтящий звук. Картина, которая предстала перед его глазами, была какой-то абсурдной и ужасающей. По мере того как он все ниже и ниже спускался вниз по лестнице, меняя свое направление движения в поворотах, перед ним стал открываться деревянный пол, на котором лежал спиной вниз как-то не свойственно, беспорядочно распластанный на нем толстяк. Под ложечкой у Павла все сжалось в маленькую точку, а мысли стали нестись с невероятной скоростью перескакивая с одной на другую, отрывая его от разумного понимания действительности.

– Эй, приятель ты чего? – каким-то чужим для себя голосом произнес Павел. Стремительно подбежав к телу, он увидел, что из виска справа небольшим ручейком бежит кровь, а руки и ноги лежали вокруг тела в безжизненно вытянутом положении.

– Что, что нужно делать в таких случаях, как поступать, с чего начинать и нужно, что-либо делать вообще, если да, то как? – непрерывной чередой в голове понеслись мысли. Он автоматически подошел к лежащему телу и неосознанно взял его за предплечье. Рука еще была теплая и ему даже по-

казалось на мгновение, что мышцы на ней слегка подергиваются, но пульс как-то по предательски не прощупывался.

– Ты чего парень? – он затряс рукой неуклюже, словно хотел возразить этому еще совсем недавно розовощекому и самоуверенному толстяку.

– Ну, хватит уже, наш конфликт с тобой исчерпан, давай все забудем, подымайся уже – продолжал диалог Павел, словно перед этим его собеседник ему отвечал.

– Ну, давай, открой хоть глаза – продолжал он с назойливой настойчивостью. И вдруг внезапно неподвижное тело сделало такой неестественно резкий глубокий выдох, неестественный потому, что не было перед этим глубокого вдоха, что холод охвативший Павла во всем теле предвещал приход той самой всемогущей и неизбежной силы, которую ни кто и ни когда не мог остановить. Молниеносно промелькнуло в голове – это была смерть. Отталкивая от себя эту мысль, он все так же автоматически и неумело продолжал наклоняться над толстяком и прислушиваться к его дыханию, неумело давить на грудную клетку пытаясь провести реанимацию и трес его за руку периодически растирая её.

– Давай вставай – повторял Павел, словно заезженная пластинка, безрезультатно проводя свои манипуляции. Под его давящими руками стало прощупываться что-то твердое и длинное. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки и увидел, как по груди идут два провода концы, которых скрывались в теле толстяка. Стал понятен и источник возникше-

го навязчивого зуммера, исходившего от маленького прибора прикрепленного к пояснице толстяка сбоку. В голове все четче формировалась мысль о том, что это конец и по мере того как она крепла и росла, жизнь, и энергия Павла уходила из него словно вода, льющаяся в песок. Голова стала туманной и плохо соображающей, а члены всего тела какими-то ватными и не послушными.

– Не может быть, так не умирают – вышибающей из под ног реальность, пронзительно прозвучало в голове. Он никогда не видел, как это происходит, но весь предшествующий его опыт отказывался принимать все сейчас происходящее. За спиной сквозь туман Павел слышал как робкие, легкие шаги спустились на несколько ступенек вниз, а потом послышалось детское всхлипывание.

– Женя, – сквозь слезы позвал подросток, надеясь услышать ответ. – Женя. Что с ним? – обращаясь уже не к лежащему на полу телу продолжал он, надрывным голосом не в силах сдержать слезы. В коридоре слева открылась дверь, послышалась возня кого – то выходящего из нее, затем последовал еле слышимый женский вопрос, адресованный в никуда на уровне ворчания

– Что вы здесь делаете? – И через мгновение тишину пронзил истошный крик: – А, а-а Женю убили. – Этот крик вывел Павла из оцепенения, и он произнес безнадежно – Вызовите скорую. – Дальнейшее происходило для Павла вне реальности, вне времени и вне понимания. Вокруг собира-

лись люди, живо обсуждали увиденное и с нескрываемой
брезгливостью смотрели на него, вынося различные вариан-
ты наказания достойные его с их точки зрения. Он все также
продолжал оставаться на корточках и держать руку Жени,
словно все еще могло измениться. Через какое-то время за-
мелькали в забитом коридоре людьми, служащие экстренных
служб в виде медиков, полицейских и лиц в штатском. Тол-
пе приказали расходиться, а Павла подхватив под руки, по-
вели куда-то в машину. Он повторял ослабленным голосом
скорее для себя, нежели для окружающих, что это не он, лю-
ди в форме утвердительно кивали ему в ответ и продолжали
делать свое дело.

Глава III

Дальше все происходило как в тумане. 15 минут езды на заднем сиденье служебного автомобиля в окружении сотрудников полиции с обеих сторон, затем его завели в участок, который находился в том же районе где и жил Павел. Затем его провели в наручниках по коридорам здания первого этажа изогнутым так изощренно и не логично, что у Павла промелькнула слегка уловимая мысль о том, что это сделано, для того чтобы из этих стен никто не сбежал, а бежать хотелось и хотелось как никогда потому, что он чувствовал сейчас себя каким-то зверем, зверем отвратительным и неприятным для окружающих, которого хотят изолировать и не подпускать ни к кому. Картина происходящего никак не укладывалась в его голове и никак ни согласовывалось с его внутренним убеждением, что Павла немного поташнивало тем самым, отвлекая его от мысли, что все это происходит с ним наяву. Сотрудники завели его в довольно тесный кабинет, стены которого были покрашенны в тусклый темно зеленый цвет в котором стояло два стола, два книжных шкафа довольно поизношенного вида, шесть стельев и огромный напольный сейф придававший всей обстановке окончательно мрачный вид. Вид, который никак не радовал глаз и уж тем более не располагал к душевным беседам. За одним из столов который стоял у окна, ровно сидел

мужчина в форме капитана строго отутюженной и точно облегающей по телу его хозяина. Лет ему было около тридцати. Отутюжена форма и внешний вид выдавали в нем хорошего исполнителя. Правильные черты лица увенчивали строго уложенные в строгую прическу крепкие волосы. Его глаза как-то недобро блеснули едва заметным огоньком, когда Павла завели в кабинет и тут же в одно мгновение этот огонек сменился на оценивающий взгляд, который скользил как сканер по очертаниям пока еще неопознанного объекта. Два сержанта грубым движением усадили Павла на противоположно стоявший перед столом стул и, получив одобрительный взгляд капитана, вышли за дверь кабинета, откуда доносились оживленные и жизнерадостные голоса сотрудников отделения.

– Так так, кто тут у нас? – как-то по театральному сценично и жизнерадостно произнес капитан, держа в руках какую-то бумагу формата А4.

– Черенков Павел Сергеевич, 1995г.р., уроженец нашего города, в данный момент проходит срочную службу в вооруженных силах России, холост, детей не имеет, ранее к уголовной ответственности не привлекался, следовательно, судимостей не имеет, есть парочка административных штрафов но, разумеется, в контексте нашей проблемы это сейчас значение не имеет. – Он сделал небольшую паузу, давая понять Павлу что, обладает буквально всей его интересующей информацией и продолжил.

– Меня зовут Зотов Владимир Иванович, я старший оперуполномоченный 17 участка. На данном этапе буду вести твое дело и от того, какие у нас с тобой сложатся взаимоотношения будет зависеть в дальнейшая твоя судьба. – Он вопрошительно посмотрел на Павла, ожидая от него дальнейшую реакцию. – Все верно или я ошибаюсь. – Так точно – автоматически по-армейски ответил Павел, хотел, было встать, но короткий жест руки капитана остановил его. – Единственно, что я хотел бы поправить так это то, что я отслужил и направляюсь домой к месту своего проживания. – Эта фраза, почему то рассмешила Зотова и на его лице появилась едва заметная ухмылка.

– Домой, значит. Но туда ты в ближайшее время точно не попадешь, потому, как натворил ты делов в первый день своей гражданской жизни. А значит, тебе придется у нас немного задержать – с какой то надеждой для Павла прозвучала последняя фраза капитана. Ну, конечно же, сейчас во всем они вместе разберутся, он ему все расскажет, как было и через несколько часов он поедет домой к матери и отцу, своей девушке и сестренке. И внешний вид Павла после этих слов стал меняться с растерянного на участливый, давая понять капитану, что он готов для всех необходимых процедур. Капитан разложил по столу кучу бумаг и стал что-то писать, усердно выводя каждое слово, сверяясь периодически с лежащими бумагами рядом и одновременно задавал вопросы Павлу. Он писал и писал несколько часов, отрываясь от сво-

его дела лишь, когда в кабинет заходил майор и спрашивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.